

Карнозова Людмила Михайловна

ведущий научный сотрудник Сектора проблем правосудия Института государства и права РАН, кандидат психологических наук, член Всероссийской ассоциации восстановительной медиации, участник рабочей группы по разработке Стандартов восстановительной медиации.

Опубликовано: Вестник восстановительной юстиции. № 7, 2010. С. 18-28. Текст публикуется с правками автора.

Восстановительная медиация: базовые идеи и направления развития (заметки к обсуждению темы)

В литературе освещаются разные модели медиации. Наиболее подробно описанные - медиация, основанная на интересах, трансформативная и нарративная. Иногда при перечислении эти модели соседствуют с восстановительным правосудием. Мы поставили перед собой задачу осуществить сравнительный анализ и определить отличительные характеристики того подхода к медиации, который реализуется в программах восстановительного правосудия.

Сначала казалось, что в теоретико-концептуальном плане это очень просто, поскольку медиация правонарушителя и жертвы как программа восстановительного правосудия имеет специфику просто в силу особенностей самой ситуации, с которой она работает – уголовное преступление, и, соответственно, номинальных позиций сторон в конфликте - правонарушителя и жертвы. И тип ситуации диктует ряд специфических характеристик медиации, которые определяются концепцией восстановительного правосудия. Или: концепция восстановительного правосудия плюс медиация – вот и получается программа восстановительного правосудия. Но задача оказалась сложнее. Во-первых, распространение в мире и развитие практики медиации привело к тому, что сегодня выделяются разные концепции и, соответственно, модели медиации¹. А во-вторых, тот тип медиации, который мы начали обрабатывать в

¹ Одни авторы придерживаются мнения о том, что имеет место единая модель медиации, в то время как другие настаивают не просто на множественности моделей, но на их несовместимости. Так, например, отвечая на вопрос о том, можно ли комбинировать трансформативную медиацию с другими моделями, ориентированными в большей степени на решение проблемы и достижение соглашения, Роберт Буш и Джозеф Фолджер отвечают: «Наш опыт показывает, что комбинировать такие модели невозможно, поскольку цели различных моделей, а также практические методы, с помощью которых они реализуются,

программах восстановительного правосудия с ее четким обозначением позиций конфликтующих сторон – правонарушителя (или обидчика) и жертвы (пострадавшего) – мы, с определенными корректировками, стали переносить и на другие типы конфликтов: соседские, школьные, конфликты между заключенными (в женских колониях) – т.е. на так называемые «симметричные» конфликты, где нет однозначного разделения на обидчика и жертву. И тогда связанная с этим специфика вроде бы исчезает.

Разработка стандартов медиации, относящихся к тому виду практикования, которым мы занимаемся², еще раз подвела к необходимости определить особенности этого практикования (термин «восстановительная медиация» предложен Р. Максудовым и А. Коноваловым).

Тезис

Итак, восстановительной медиацией мы именуем тот способ разрешения конфликтов, который мы практикуем. Основной мой тезис состоит в том, что *восстановительная медиация – это не модель медиации, восстановительная медиация – это рамка для целого набора практик разрешения конфликтов.*

Даже если мы не будем вдаваться в специальные рассуждения, а просто возьмем сформулированные Стандарты, в которых зафиксированы только те виды программ, которые сегодня реализуются в нашем сообществе, уже здесь можно увидеть, что речь идет о некоем *наборе практик*, а не одной какой-то практике.

Но есть еще один аспект. Когда я говорю, что восстановительная медиация – это рамка для целого набора практик, я имею в виду не только разные виды программ: медиацию (полный, расширенный и редуцированный варианты), Круги, семейные конференции или разные области их применения (уголовный процесс, школа, система профилактики правонарушений). Другой, не менее важный аспект – собственно содержательные характеристики способа. И с этой точки зрения выдвигаю предположение, что восстановительная медиация позволяет использовать, в том числе, и разные модели, имея в виду не только оргформы, а *модели медиации, за которыми стоят разные теории*. Медиация, основанная на интересах и ориентированная на решение проблемы и достижение соглашения, трансформативная и нарративная модели, возможно, наиболее четко выделены сегодня как отдельные модели медиации. Суть моего тезиса состоит в том, что восстановительная медиация может

несовместимы» (Роберт А. Бэрк Буш, Джозеф П. Фолджер. Что может медиация. Трансформативный подход к конфликту. Киев, 2007. С. 204). Есть и другие аргументы, указывающие как на наличие разных моделей медиации, так и их несовместимость (см., например: Джон Уинслэйд, Джеральд Монк. Нарративная медиация. Новый подход к разрешению конфликтов. М., 2009).

² Стандарты восстановительной медиации. Разработаны и утверждены Всероссийской ассоциацией восстановительной медиации. М., 2009.

ассимилировать эти разные модели или какие-то их аспекты в той мере, в какой это соответствует базовым идеям нашего подхода, или восстановительной медиации.

Конечно, мы движемся в поле несколько неопределенных понятий. Например, а что, собственно, понимается под моделями медиации?³ Я буду придерживаться предположения, что то, что мы называем моделью медиации – например, три вышеупомянутые, – имеет за собой вполне определенную *теорию человека, теорию конфликта (версию, почему происходят конфликты) и ответ на вопрос, что значит, что конфликт разрешен*. На этих исходных положениях строится соответствующий инструментарий и принадлежность к определенному подходу – концепция той или иной модели медиации. Авторы книги по трансформативной медиации очень жестко отвечают на вопрос о возможности комбинирования моделей, «об эклектике»: нельзя сочетать разные модели. Потому что, говорят они, не может медиатор одновременно делать и то, и другое. Естественно, невозможно делать одновременно разные вещи, вопрос в том, можно ли сочетать в *определенных рамках* разные модели, или, точнее, идеи разных моделей. Каждый, кто стоит на своей позиции, каждый деятель, естественно, будет защищать свою парадигму (свою модель) от эклектики. Это необходимо, чтобы четко определить свою позицию и концепцию, чтобы выделить особое содержание деятельности и социализировать свою практику. Именно так складываются новые области и подходы: на отделении от другого. Но ведь, кроме того, важно понимать, с одной стороны, границы действенности той или иной модели и, с другой, практическую рамку, которая, как мне представляется, позволяет прихватывать идеи разных моделей для реализации целей, этой рамке соответствующих.

Но и цели – не статичные образования, не вещи; целеполагание осуществляется в рефлексии. Приведу пример. Несколько лет назад мы с М. Флямером в качестве медиаторов вели случай по уголовному делу. Подросток напал на девушку и попытался вырвать из рук сумку с деньгами. Девушка упала, сильно ударилась, подростка задержали. На предварительную встречу с медиаторами потерпевшая пришла с мамой. Девушка рассказала о своих переживаниях, связанных с этой ситуацией. Она в тот вечер взяла из банка деньги для того, чтобы помочь своей любимой умирающей бабушке – нужно было платить за лекарства и за уход. И вдруг это нападение. Эта ситуация тесно связалась с воспоминаниями о бабушке. С нами девушка была открыта

³ С более широким набором моделей и практических форм медиации можно познакомиться в кн.: Медиация – искусство разрешать конфликты. Знакомство с теорией, методом и профессиональными технологиями / Сост. Г. Мета, Г. Похмелкина. М., 2004. Конечно, существование разных практик медиации можно трактовать как наличие разных технологий при единстве метода. Все зависит от масштаба различий. Если медиацию как способ разрешения конфликтов мы сопоставляем, скажем, с уголовно-правовым способом, то это один масштаб. В рамках такого различия мы будем выделять те черты, которые характерны именно для медиации вообще, безотносительно к ее моделям, и отличающие ее от уголовного процесса. Но когда мы обращаемся к самой медиации, то находим там разные типы практик, которые отличаются базовыми представлениями, установками и вытекающими из них порядками работы.

и искренна, но с подростком встречаться не хотела, для нее это было бы травматичным, хотя не жаждала для него сурового наказания. В то же время ее мама выразила желание встретиться с подростком, чтобы «посмотреть в глаза его матери». Но мы от этого отказались. Мама потерпевшей не была настроена агрессивно, а подросток переживал случившееся и очень хотел попросить прощение. Но, как нам казалось тогда, это не вписывается в канон программы восстановительного правосудия, где правонарушитель должен встретиться с жертвой. Сегодня мы бы так не поступили, поскольку наше целеобразование претерпело изменения: и область реализации принципов восстановительного правосудия мы видим более широко, чем прежде, и расширяем круг задач, и включаем в наш инструментарий более разнообразный набор процедур, приемов и техник.

Но что это значит – «больше», «шире» и т.п.? Возвращусь к полемике с авторами книги о трансформативной медиации. Сопоставляя разные версии медиации, справедливо указывая на то обстоятельство, что каждая из них, фокусируясь на значимости разных аспектов медиации в соответствии с выбранным акцентом, будет развивать практику медиации в том или ином направлении, Буш и Фолджер приходят к общему выводу, что «в медиации, так же как и в других социальных процессах сложно, если не невозможно достичь сразу нескольких целей. На практике достижение одной цели неизбежно означает в определенной степени пренебрежение другими целями по причине либо прямого конфликта между шагами по их достижению, либо просто из-за ограниченности ресурсов»⁴. В контексте решения их собственной задачи, а именно, обоснования трансформативной медиации как отдельной модели, с таким суждением можно согласиться. Но только в этих пределах, поскольку как общеметодологическая эта точка зрения весьма распространена, но не безупречна. Ей можно противопоставить другое предположение: только полицелевой характер системы обеспечивает ее устойчивость и эффективность⁵.

Если мы вернемся к целевым установкам восстановительного правосудия: исцеление жертвы, осознание и ответственность правонарушителя, заглаживание вреда, исцеление правонарушителя, восстановление отношений и мира в сообществе, возвращение людям полномочий на разрешение их конфликтов, извинение и прощение – этот перечень не выстраивается в «дерево целей», это, скорее, разные векторы внутри восстановительного способа разрешения конфликта. А кроме того – на другом уровне – цель еще состоит в том, чтобы сократить в социуме пространство реализации карательных практик, а, следовательно, придать восстановительному способу правовой

⁴ Буш Роберт А. Бэрк, Фолджер Джозеф П. Указ. соч. С.30.

⁵ Такой тип рассуждения мы применяли и раньше, когда обосновывали понятие восстановительной ювенальной юстиции – системы, которая существует одновременно в двух рамках, указывающих на необходимость реализации двух разных концептуальных установок – ювенальной юстиции и восстановительного правосудия. И вопрос состоял в том, каким образом должна строиться практика обращения с несовершеннолетними правонарушителями в такой сложной полицелевой системе.

статус, легитимировать его в правовом поле. И, кстати, этот мета-уровень может иметь прямое отношение к самому процессу медиации. К примеру, если юридические последствия примирения сторон могут иметь место только в том случае, если достигнуто письменное соглашение, значит ли это, что при такой цели медиации как достижение соглашения мы не можем использовать идеи трансформативной или нарративной медиации, каждая из которых как «чистый» тип (модель) противопоставляется медиации, ориентированной на достижение соглашения (тоже как «чистому» типу)? И не просто использовать какие-то приемы, а ставить цели и работать в соответствующем ключе, имея в виду и урегулирование долгосрочных отношений между сторонами, и выстраивание новой позитивной истории, и придание силы и уверенности каждой из сторон, и достижение взаимопонимания, и, в конце концов, достижение письменного соглашения. Конечно, такой процесс предполагает множество фаз и усилий, поскольку цели не достигаются «одновременно». С другой стороны, именно наличие множества целевых ориентиров позволяет медиатору работать с конкретной ситуацией адекватно, фокусируясь на одних и меньше уделяя внимание другим аспектам в зависимости от конкретной ситуации и самоопределения участников.

Но тогда возникает вопрос: в чем же определенность восстановительной медиации? И имеет ли она свое инструментально-методическое ядро? Думаю, да, имеет. Можно провести мыслительный эксперимент: медиацию несовершеннолетнего правонарушителя и потерпевшего проводит «обычный медиатор» (понятно, что это упрощение), например, такой, который специализируется на медиации между хозяйствующими субъектами по поводу коммерческих споров. Я полагаю, он проводил бы совсем другую медиацию, чем та, которая проводится нашими медиаторами.

Здесь нужно разделить инструментарий на техники, теории и методическое устройство. Именно последнее вместе с базовыми идеями восстановительного правосудия задает определенность восстановительной медиации⁶. Но коль скоро само содержание, определяющее структурные элементы процесса восстановительной медиации, наращивалось под влиянием разных гуманитарных течений и практик, нельзя отрицать этого и в дальнейшем, а также и проблематизации наших сегодняшних представлений. Например, сегодня в Центре «Перекресток» (МГППУ) проведены программы медиации правонарушителя и жертвы, где в повестку дня примирительной встречи даже не ставился вопрос о принесении извинений со стороны обидчика. Не было этого и на встрече. Что позволяет, тем не менее, идентифицировать программу как восстановительную медиацию?

Это модель развивающаяся. Вопрос тогда ставится так: что мы фиксируем как точки опоры и что в принципе может меняться? На второй вопрос ответить априорно,

⁶ Максудов. Р. Восстановительная медиация: на пути к разработке концепции в данном // Вестник восстановительной юстиции. № 7, 2010. С. 7-17.

наверное, невозможно. Например, десять лет назад мы не могли подвергать сомнению необходимость принесения извинений со стороны обидчика. Или схему «факты-чувства-соглашения», которая сегодня представляется одной из возможных и имеет альтернативы – к примеру, «факты-смыслы-соглашения», поскольку, как показывает опыт, не во всех случаях, не со всеми клиентами нужно ставить акцент на работе с чувствами. Поэтому, скорее, важно зафиксировать, что является неизменным. И это неизменное касается, как я сегодня понимаю, идей восстановительного правосудия.

Таким образом, *восстановительная медиация сохраняет свою идентичность, которая определяется не инструментарием, а чем-то другим, а именно, определенными базовыми характеристиками.* Инструментарий, конечно же есть, но он изменяется, причем не только количественно. По мере практического освоения базовых идей в ходе проведения восстановительных программ, по мере рефлексии этой практики какие-то положения и инструменты проблематизируются, а какие-то – близкие по духу – включаются в арсенал восстановительной медиации из других подходов и практик.

В определенной мере этот момент отражен и в Стандартах восстановительной медиации: «Данные стандарты медиации призваны способствовать поиску новых идей и разнообразию форм организации и проведения медиации при сохранении основных принципов восстановительной медиации и с учетом региональных условий».

Откуда термин?

Когда в ходе работы над стандартами мы вели обсуждения по поводу содержания понятия восстановительной медиации, то начали с вопроса – что такое восстановительная медиация? Раз восстановительная медиация, значит, надо ответить на вопрос, *что восстанавливается.* И это один ход размышления. А другой ход связан с тем, *откуда взялся этот термин.* Дальше – я сейчас рассуждаю в рамках своей гипотезы, что восстановительная медиация есть некая рамка – *каким образом эта рамка насыщалась содержанием.* Я имею в виду общекультурный аспект, т.е. не только российский опыт, а мировую практику программ восстановительного правосудия, которую мы осваиваем. Этот второй ход иной, нежели вопрос о том, что или кто восстанавливается в наших программах.

Итак, каким образом восстановительная медиация, во-первых, получила свое название, и, во-вторых, насыщалась содержанием. В Стандартах мы зафиксировали, что основой восстановительной медиации является восстановительное правосудие. А в основе восстановительного правосудия, его концепции, его подхода, в отличие от той или иной модели медиации, лежит *не концепция человека или концепция конфликта, а концепция ответа на преступление.* И это является тем фундаментом, на котором зиждется то, что дальше стало называться восстановительным правосудием. Эта смена

базовых начал важна: не теория конфликта и не теория человека (во всяком случае непосредственно, поскольку опосредованно так или иначе все в человеческом мире связано с представлениями о человеке), а, условно говоря, *теория или представление о преступлении и должном на него ответе*.

В рамках уголовно-правового (карательного) подхода преступление – это нарушение закона, а закон – это государственный акт, отсюда ответ на преступление есть государственная акция наказания. Концепция восстановительного правосудия подвергает критике такое понятие преступления и, соответственно, такую реакцию на преступление.

Не буду повторять известные из множества публикаций пункты этой критики, рассмотрим только один аспект, непосредственно касающийся формулировки термина. Коль скоро «преступление» – понятие из правового дискурса, то обратимся к этому дискурсу и привлечем ключевые правовые понятия в связи с обсуждаемой темой. Это понятия *предписания* и *санкции*. Предписание – это правило, которое предписывает либо то или иное поведение, либо некий запрет, но предписание всегда живет в рамках правовой системы в паре с санкцией: если оно не выполняется, за этим следует санкция или, иначе, общественное принуждение. В праве выделяется два основных типа санкций. Во-первых, исправление неправомерного явления или последствий неправомерного деяния, и, если брать латинские слова, это «репарация», «реституция», что переводится как *восстановление*. И второй тип санкций – *репрессия*.

Восстановление может происходить в разных формах: либо восстановление как возврат к той ситуации, которая была до произошедшего события, либо, если это невозможно, восстановление в форме компенсации, в форме возмещения. А репрессия, или наказание, есть обречение нарушителя на страдание.

Преступление является одной из форм подобного нарушения предписания, но не все нарушения предписания являются преступлением. Различение «наказания» и «восстановления» как основных институционально закрепленных санкций реагирования на нарушения официальных предписаний придумано не концепцией восстановительного правосудия – концепция восстановительного правосудия взяла его из теории права⁷. И дальше использует его (различение) для анализа сегодняшней ситуации реагирования на преступления. И исходя из ценности мира в совместной жизни людей концепция восстановительного правосудия делает сдвигку в ответе на преступления к этому второму виду санкций. А понятие преступления рассматривается как событие, касающееся всех вовлеченных в него людей и имеющее для них негативные последствия. Но важно, что эти два типа санкций – репрессия, как причинение страданий, и восстановление – *есть правовые формы ответа на нарушение*

⁷ См. например: *Бержель Ж.-Л.* Общая теория права. М., 2000. С. 335.

предписаний. В этом смысле термин «восстановление» берется восстановительным правосудием из правового дискурса.

Это не значит, что на этом концепция восстановительного правосудия останавливается, она насыщается и множеством других смыслов, о чем пойдет речь дальше, но происходит термин из правового дискурса.

Здесь, однако, следует оговориться. Линейное представление развития концепции восстановительного правосудия в виде ряда последовательных шагов - это чрезмерная редукция. Рядом следовало бы нарисовать линию развития медиации как внесудебного способа разрешения разного рода конфликтов и правовых споров. Кроме того, восстановительное правосудие опирается на исторические прототипы - общинные формы разрешения конфликтов и традиции примирения, которые можно найти практически у всех народов. Ховард Зер в качестве исторических прототипов анализирует общинное правосудие и правосудие по Завету, то есть правосудие, где центральной процедурой являются переговоры, горизонтальные отношения между сторонами. Сюда же примыкают религиозные концепции миротворчества, образующие ценностную основу восстановительного подхода⁸. Помимо этого в основе критики карательного правосудия лежат обширные криминологические и виктимологические исследования, обращающие внимание на психологическую природу преступного деяния и посткриминальных переживаний как преступника, так и жертв преступлений, так что предлагаемый в ответ на эту критику способ реагирования на преступление учитывает эту психологическую составляющую. Выход на психологическую проблематику заставляет искать в психотерапевтических практиках способы работы с травмой, с чувством вины, искать приемы и техники коммуникации. И еще можно выделить множество составляющих. Чтобы представить картину формирования восстановительного правосудия, нужно нарисовать своего рода карту и положить его содержательные источники как сосуществующие. В этой статье я не берусь за эту работу, в определенной мере она проделана в книге Ховарда Зера. Но ведь и формирование парадигмы не закончено, о чем Зер периодически напоминает в своей книге. Остается много вопросов, непроработанных понятий и пр. Практический опыт разных групп приводит к жизни новые формы работы, открывает новые феномены. И все это тоже дает мне основание говорить о восстановительной медиации как рамке, наполнение которой находится в процессе становления. Но, пытаясь произвести некоторую реконструкцию, выстраивая (логическую) историю, приходится последовательно вводить содержательные элементы концепции, что не претендует на отражение реальной исторической последовательности.

⁸ Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. М., 2002.

Содержательное насыщение

Итак, с одной стороны, понятие восстановления, которое взято из правового дискурса. И именно это понятие задает *рамку новой практики – восстановительного правосудия как другого способа реагирования на преступление*. А дальше эта рамка наполняется содержанием, формируется этот новый способ. И здесь понадобились уже совсем другие понятия и образцы.

Но сначала – при ближайшем рассмотрении – образцы черпаются в праве, но не уголовном, а гражданском. В концепции восстановительного правосудия меняется содержание понятия преступления. Оно трактуется не как нарушение закона, где жертвой оказывается государство, а как насилие, обида, причиненные другому человеку (группе людей). Преступление наносит вред конкретным людям, а потому порождает у совершившего его лица *обязательство по заглаживанию вреда* – именно так трактуется понятие ответственности. Радикально переформулируется *цель уголовного правосудия*: не наказание, а восстановление – разрешение конфликтной ситуации между людьми, (а не абстрактными процессуальными фигурами), примирение, исцеление и возмещение ущерба. Заметим: в уголовном процессе нет правоотношений между обвиняемым и потерпевшим – этих горизонтальных отношений нет, у каждого из них отношения только с государством. Концепция восстановительного правосудия опрокидывает это доктринальное представление и устанавливает, что жертвой является не государство, не правопорядок, а конкретный человек, который претерпел от преступления, и нужно выстраивать отношения между лицом, его совершившим, и фактической жертвой. Горизонтальные правоотношения между конфликтующими частными лицами (истцом и ответчиком) принадлежат области гражданского права. Обязанность возмещения лежит на причинителе вреда. Аналогичным должен быть и ответ на преступление. А институционально, то есть с точки зрения государственных и общественных институтов, необходимо обустроить условия для того, чтобы такое стало возможным, чтобы причинитель вреда смог восстановить ситуацию вот в этом самом правовом смысле.

Но такое приближение нового ответа на преступление к гражданско-правовой ответственности – только один аспект. В 70-е годы уже активно практиковалась медиация как альтернатива гражданскому процессу. Именно медиация является способом, при котором люди сами с помощью нейтральной третьей стороны разрешают свой конфликт. Медиация продемонстрировала возможность древнего способа разрешения конфликта в современных условиях.

С другой стороны, восстановительное правосудие не отрицает того обстоятельства, что преступление – это класс деяний, который требует особого ответа. И общество в принципе солидарно с уголовным правом в осуждении насильственно-

корыстных преступлений⁹, но все дело в неэффективности принятых способов – ни по отношению к преступнику, ни по отношению к обществу в целом, а жертва вообще оказывается за пределами внимания государственного ответа на преступление. Карательный способ игнорирует человека. Юридический способ не работает с людьми, он имеет дело с процессуальными фигурами. Поэтому не может работать с болью жертв, с тяжестью, которую таит в себе реальное осознание вины преступником, поэтому игнорирует личностные ресурсы людей и их способность нести ответственность, способность людей к пониманию, к изменению, способность ближайшего окружения стать источником помощи и принятия решений и проч. Следующий шаг в формировании восстановительного способа ответа на преступление – это *поворот к гуманизации*, т.е. разработка такой процедуры, которая возвращает конфликт людям. Программы примирения (или медиация) правонарушителя и жертвы и стали образцом новой гуманистической процедуры.

Несмотря на наличие разных моделей медиации, можно выделить черты, присущие медиации как таковой:

- добровольность участия сторон;
- стороны сами принимают решение;
- нейтральность медиатора;
- роль медиатора – организация взаимодействия сторон;
- конфиденциальность процесса.

Гуманистическое тоже имеет свою трактовку и опредмечивается в определенных понятиях. Его содержание связано с гуманитарными концепциями и практиками и обретает определенный понятийный язык. Медиация, откликаясь на развитие гуманитарных, в первую очередь, психологических и психотерапевтических представлений, оказалась довольно чувствительной к восприятию соответствующего понятийного аппарата и способной к заимствованию из этих областей техник и приемов работы. В изданной в 1990 г. книге Х. Зера – базовой концептуальной работе в области восстановительного правосудия – современное карательное правосудие критикуется с точки зрения *игнорирования потребностей* жертвы и преступника. Понятие *потребности*, заимствованное из гуманистической психологии и психотерапии, оказалось в центре представлений о конфликте. До сих пор доминирующий подход в медиации, ориентированный на достижение соглашений, рассматривает медиацию как «мощный элемент удовлетворения человеческих потребностей»¹⁰, и технология

⁹ Брейтуэйт Дж. Преступление, стыд и воссоединение. М., 2002.

¹⁰ Буш Роберт А. Бэррок, Фолджер Джозеф П. Указ. соч. С. 21.

процесса строится как последовательность шагов по выявлению «подлинных» потребностей, стоящих за декларируемыми позициями конфликтующих сторон.

Другой источник содержательных характеристик программ восстановительного правосудия – религиозный. Ссылаясь на Библию, Х. Зер говорит: «Если преступление наносит людям вред, правосудие должно ставить целью восстановление справедливости, добрых отношений»¹¹. Что восстанавливается? – Справедливость. Понятие справедливости имеет, однако, разные трактовки, оно не специфично именно для восстановительного правосудия. Уголовное право тоже опирается на принцип справедливости, понимая его как соответствие наказания характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного (см. ст. 6 УК РФ). В концепции восстановительного правосудия справедливость рассматривается как восстановление добрых отношений, а это значит: исцеление жертвы и правонарушителя, ответственность правонарушителя и возмещение ущерба, восстановление мира в общине, восстановление отношений. Все это трактуется в языке потребностей, но в центре стоит *образ правосудия*: оно «должно начинаться с выявления человеческих потребностей и попытки их удовлетворить»¹². И к числу основных человеческих потребностей принадлежит стремление к справедливости¹³.

Идея потребностей оказалась в формировании процедуры медиации очень продуктивной. В медиации с использованием этого понятия и на основе полученных в виктимологических исследованиях знаний о переживаниях пострадавших от преступлений была выстроена процедура, исходившая из приоритета цели исцеления жертв¹⁴. Как бы критически мы ни относились сегодня к персонцентристским представлениям о человеческих потребностях¹⁵, вряд ли мы будем оспаривать, что в большинстве случаев жертвы «нуждаются в поддержке и чувстве безопасности»¹⁶ и т.п. Оперирование категорией потребности приводит Зера к тому, что задача правосудия состоит как в исцелении жертвы, так и преступника.

Такой уровень сложности задач, которые нужно было решать в программах примирения правонарушителя и жертвы, привел к их обозначению как *особого вида* медиации. Если сравнивать с моделью медиации, ориентированной на достижение соглашения, программы восстановительного правосудия делают акцент не на результат, а на процесс – процесс диалога, в котором только и возможно

¹¹ Зер Х. Указ. соч. С. 218.

¹² Зер Х. Указ. соч. С. 223.

¹³ Зер Х. Указ. соч. С. 219.

¹⁴ См. пособие: *Stutsman-Amstutz L., Zerh H. Victim Offender Conferencing in Pennsylvania's Juvenile Justice System, 1997.* (Стутсман-Амстутс Л., Зер Х. Конференция жертвы и правонарушителя в системе ювенеальной юстиции Пенсильвании: Пер. с англ. Архив Центра «Судебно-правовая реформа».)

¹⁵ См.: Уинслэйд Джон, Монк Джеральд. Указ. соч.

¹⁶ Зер Х. Указ. соч. С. 223.

восстановление нормальных взаимоотношений. Кроме того особенностью разбираемых в медиации ситуаций, их эмоциональная нагруженность и необходимость установления доверительного контакта медиатора со сторонами привела к необходимости предварительной индивидуальной работы со сторонами до их общей встречи (что не практиковалось в медиации, ориентированной на достижение соглашения). «Доминирующая на Западе модель посредничества, нацеленная на достижение «соглашения сторон», контрастирует с гуманистическим подходом, направленным на «диалог», с его недирективным стилем посредничества, который обычно предусматривает встречи посредника с каждой из сторон в отдельности перед началом общей встречи»¹⁷. Такую медиацию Марк Умбрайт определил как *гуманистическую*, здесь на первый план выходит исцеление сторон, восстановление нормальных отношений. *Гуманистическая модель* посредничества, пишет Умбрайт, несет на себе дух гуманистической психотерапии, который «подразумевает безусловную способность каждого человека к трансформации, изменению и личностному росту»¹⁸. Применение этой модели Умбрайт не относит исключительно к области восстановительного правосудия, он рассматривает ее как общую модель медиации, применимую к разрешению самых разных конфликтов между людьми. Восстановительное правосудие взяло на вооружение эту модель медиации, поскольку она соответствует его ценностям, целям и типу ситуаций, с которыми имеют дело его программы.

Для обоснования гуманистической модели Умбрайт привлекает идеи трансформативной медиации, которая сегодня вычленилась как отдельная модель. Согласно *трансформативной модели*, «люди находят, что в конфликте самое важное – не то, что он лишает их возможности удовлетворения каких-то прав, интересов или достижения целей..., но то, что конфликт заставляет выбирать определенную манеру поведения по отношению к другим и к себе, которая им самим кажется неудобной и даже отталкивающей», «такое поведение лишает их собственной силы и ощущения связи с другими участниками конфликта, что разрушает и подрывает возможность нормального человеческого взаимодействия»¹⁹. Не удовлетворение потребностей, а трансформация взаимодействия сторон от деструктивного к конструктивному, наделение участников конфликта уверенностью в своих силах и обеспечение взаимного признания – вот основные черты трансформативной медиации. На уровне такого рода обобщенных формулировок вряд ли можно сказать, что указанные черты медиации противоречат гуманистической модели или нашей восстановительной модели, хотя перечисленным не исчерпываются характеристики восстановительной медиации, и примеры реализации трансформативной модели, приведенные в книге Фолджера и

¹⁷ Умбрайт М. Гуманистический подход к посредничеству в разрешении конфликтов: путь преобразования, путь миротворчества // Вестник восстановительной юстиции. Вып. 3. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2001. С. 88 (статья 1997 г.).

¹⁸ Умбрайт М. Указ. соч. С. 90.

¹⁹ Буш Роберт А. Бэррок, Фолджер Джозеф П. Указ. соч. С. 49.

Буша, указывают на отличие процедуры от того, что делается в восстановительных программах. Но с точки зрения восстановительной медиации, приведенные примеры там не столько противоречат нашему подходу, сколько, скорее, *частичны* относительно него.

В работах по восстановительному правосудию мы видим как в концептуальных текстах, так и в практических пособиях использование и иных категориальных представлений. Приведем фрагмент из пособия Л. Стутсман-Амстутс и Х. Зера: «Для того чтобы исцелиться, мы должны восстановить наши истории, создавая новые, учитывающие то ужасное, что произошло с нами... Виктимизация, по существу, это разрушение понимания и собственной значимости, так что новая история должна быть восстанавливающей. По мнению Шрайтера, за этим часто стоит пересказывание наших историй с целью восстановления значимости своего я. В процессе создания историй мы узнаем, что можем переносить боль, не сходя с ума»²⁰. Десять лет назад, не знакомые с нарративным подходом, мы не видели здесь того содержания, которое вычитываем сегодня, и тех процедур, которые можно использовать в процессе медиации исходя из нарративных представлений. Мы не можем утверждать, что в пособии использованы идеи нарративной медиации. Тогда она еще не оформилась в отдельную модель. Но нарративный подход интенсивно развивался в 90-е годы, когда было написано это пособие, и его язык получил распространение в гуманитарных дискурсах, придавая соответствующую акцентировку разным концепциям и практикам.

О нарративной медиации мы услышали в 2004 г. на тренинге по проведению программ восстановительного правосудия Винса Мерсера (Великобритания), который с восхищением упомянул книгу Уинслейда и Монка. Еще одно подтверждение, что и другие деятели восстановительного правосудия увидели в этом подходе идеи близкие нашей практике, идеи, которые нужно попытаться включить в ареал восстановительных программ. В сам тренинг Мерсера проработка идей нарративной медиации не вошла. Да это и не было еще разработано в применении к программам восстановительного правосудия. А сегодня работа по освоению нарративного подхода в контексте нашей работы происходит активно в разных группах, занимающихся восстановительными программами²¹.

Если в предыдущих из упомянутых подходов модели медиации определялись онтологией человека, из которой вытекали представления о конфликтах, а коммуникация рассматривалась как метод их разрешения, то нарративный подход в качестве онтологической основы конфликта рассматривает не человека с его интересами, присущими ему потребностями и возможностями (силой), а саму

²⁰ *Stutsman-Amstutz L., Zerh H. Victim Offender Conferencing in Pennsylvania's Juvenile Justice System, 1997.*

²¹ См. *Максудов Р. Указ. соч., Балаева А. Примирение в медиации и вне ее: сравнительные аспекты // Вестник восстановительной юстиции. № 7, 2010. С. 62-66.*

коммуникацию (в социокультурном масштабе), в которой воплощается культурное и социальное разнообразие, неминуемо приводящее к столкновениям. И в этом смысле коммуникация в медиации (в масштабе комнаты) в концентрированном виде воспроизводит различия в культурных дискурсах этой большой социокультурной ситуации и благодаря специальной организации процесса позволяет участникам увидеть конфликт со стороны, и себя в конфликте со стороны, а также по-новому увидеть и услышать партнера. И новые формы общения в медиации могут привести и к пересмотру потребностей.

Нарративный подход органично сочетается с восстановительной медиацией также благодаря культивированию неэкспертной позиции специалиста. У людей нет прямого доступа к истине, люди приносят на медиацию свои «истории», в которых конституируют себя, партнера, конфликт. И суть разрешения конфликта состоит не в том, чтобы выяснить, как все было на самом деле, а в том, чтобы с помощью медиатора стороны нашли в своей собственной жизни те ситуации и ресурсы, соединение которых дало бы возможность выстроить альтернативную, позитивную историю отношений, соединяющую прошлое и будущее. Центрация на отношениях между участниками конфликта, и, в общем, центрация на процессе приводит, в конечном счете, к достижению соглашений.

Восстановительная медиация

Теперь обратимся к сформулированному в Стандартах понятию восстановительной медиации. Она определяется следующим образом:

«Восстановительная медиация – это процесс, в котором медиатор создает условия для восстановления способности людей понимать друг друга и договариваться о приемлемых для них вариантах разрешения проблем (при необходимости - о заглаживании причиненного вреда), возникших в результате конфликтных или криминальных ситуаций. В ходе восстановительной медиации важно, чтобы стороны имели возможность освободиться от негативных состояний и обрести ресурс для совместного поиска выхода из ситуации. Восстановительная медиация включает предварительные встречи медиатора с каждой из сторон по отдельности и общую встречу сторон с участием медиатора»²².

Мы видим, что понятие восстановительной медиации не столько противостоит перечисленным выше моделям, сколько обобщает, «снимает» разработанное в них содержание в контексте, который задается базовыми идеями восстановительного правосудия. В этих рамках развитие теории и практики восстановительной медиации

²² Стандарты восстановительной медиации...

идет по пути рефлексивного «собирания» теоретических представлений о человеке, о конфликте, о том, что значит разрешить конфликт. Наряду с перечисленными в наш понятийный багаж входят понятия из современных (точнее, переформатированных в современные) общинных форм решения проблем – Кругов: единение, целостность, забота, доверие и пр. По мере освоения новых подходов, предыдущие могут проблематизироваться, но все они оставляют свои следы. И то, что для той иной модели выступает как ее специфическое содержание, в теле восстановительной медиации берется в качестве средств, используемых наряду с другими средствами.

По мере освоения разных моделей медиации появляется и понимание того, как работает восстановительная медиация с «симметричными» конфликтами (в семье, школе, между соседями), когда нет распределения ролей на обидчика и жертву. Все, в конечном счете, упирается в понимание тех же базовых принципов, которые в этом случае уточняются: исцеление всех, кто так или иначе затронут конфликтом; осознание всеми участниками вреда, причиняемого конфликтом; восстановление отношений; принятие ответственности за разрешение конфликта; выработка решений, направленных на компенсацию вреда, причиненного конфликтом, и пр. Такому уточнению мы обязаны, в первую очередь, нарративному подходу, который указал нам идею и методические ходы по «отделению конфликтов от людей», благодаря которым стороны конфликта начинают объединяться против самого конфликта.

Если вести речь о направлениях развития восстановительной медиации, здесь можно выделить несколько направлений.

Во-первых, средствальное обогащение за счет интерпретации и включения в практику восстановительной медиации способов работы, отработанных в других моделях. В ближайшей повестке дня стоит освоение наработок нарративного подхода и применение нарративной медиации к разрешению криминальных конфликтов. Необходимы, в частности, специальные разработки, касающиеся понятия ответственности, поскольку понимание природы конфликтов как детерминированных извне, из культурных дискурсов, проблематизирует привычные моральные представления о вине и личной ответственности. Во-вторых, освоение новых форм работы с участниками конфликтов и криминальных ситуаций. В-третьих, выход на новые типы конфликтов и не освоенные пока области использования медиации.

Но главным мне представляется развитие «в глубину» самого восстановительного подхода, выявление новых содержательных пластов его базовых идей. Здесь я дам некоторые комментарии.

Основные ценности и направленность восстановительного правосудия – исцеление жертвы и ответственность правонарушителя – остаются в нашей практике скорее ориентирами и, в меньшей степени, достигаемыми результатами. И если, по

крайней мере, в теоретическом плане тема жертвы имеет существенные наработки, и нужно развивать практический пласт работ в этой области, то тема ответственности несовершеннолетнего правонарушителя (а именно с этой категорией мы работаем) остается во многом непроработанной и теоретически и практически. Что мы имеем в виду под осознанием и ответственностью? Осознание причиненного вреда – это ведь не просто объективная оценка некоего ущерба. Осознание правонарушителя – это осознание собственной вины, понимание, что это вред, причиненный тобой, исходящий от твоего поступка. Но ведь действительное осознание вины – это невыносимый груз даже для взрослого. Поэтому самооправдание – это естественный психологический выход из ситуации, чтобы как-то справиться с ней, и в этом смысле самооправдание – не обязательно осознанная стратегия. Мы всегда ищем причины, почему вынуждены были поступить именно так, а не иначе, даже если со стороны наш поступок выглядит не очень хорошим. Возможно, чтобы лучше понимать тех, с кем мы работаем, нужно внимательнее относиться к собственным переживаниям.

И снова обратимся к классике описания программ восстановительного правосудия - к пособию Зера и Стутсман Амстутс. В этом пособии представлен материал Джанет Шмидт (Служба Медиации в городе Уиннипег, штат Манитоба, Канада), где дается описание стадий, которые проходят правонарушители, прежде чем достичь осознания и раскаяния. После первой стадии - отрицания -

«правонарушители испытывают угрызения совести. Они начинают осознавать, что причинили зло. Тем не менее, они приводят оправдания своих поступков с комментариями “да, но...”. Нависшее над ними обвинение может усилить чувство сожаления. На этой стадии правонарушители в состоянии признать свои поступки, но все же настаивают на обстоятельствах, которые “привели” их на этот путь. Правонарушители ищут “быстрого решения”, чтобы поскорее забыть происшествие.

Третья стадия называется *раскаяние*. Именно тогда правонарушители серьезно рассматривают свое поведение и добровольно берут всю ответственность за содеянное без всяких оправданий. На этой стадии правонарушители испытывают собственную боль, т.к. осознают, какую боль причинили другому человеку. Им необходимо не только выплатить компенсацию, им также необходима помощь, чтобы изменить свое поведение, чего бы это ни стоило. ...

На четвертой стадии возникает искреннее желание попросить прощения. Хотя правонарушители могут почувствовать облегчение, выразив свое сожаление на стадии угрызения совести, на четвертой стадии у них возникает желание попросить прощение без всяких оговорок.

... Медиаторы должны помочь правонарушителю перейти в стадию *раскаяния*. Мало вероятно, что правонарушитель, войдя в процесс медиации с угрызениями

совести, осознает всю глубину этой стадии за два часа медиации. Тем не менее возможно подвести правонарушителя к началу третьей стадии и помочь вступить в нее. Медиатор должен не только задавать нужные вопросы, он должен быть готов вступить в сферу сильных эмоций. Процесс покаяния очень труден. Многим медиаторам нелегко устоять перед желанием избавить правонарушителя от этой бури чувств и полной сосредоточенности правонарушителя на недопустимости своих действий»²³.

Возможно, подобное стадийное описание чересчур схематично, оно в определенной мере оторвано от деятельности медиатора, от контекста взаимодействия с пострадавшим, от диалога. Но описание помогает снова вернуться к вопросу о целях и средствах нашей работы, о времени, необходимом для проведения программ, о той степени глубины, которую хотим достичь, о том, что считать завершенной медиацией, и пр. И именно необходимость дальнейшего освоения базовых идей восстановительной медиации заставляет развиваться, привлекать новые представления, теории, процедуры. Остается также много вопросов и по работе с жертвами, так что выход на новые области отнюдь не означает, что в сфере медиации правонарушителя и жертвы уже все сделано, все понятно и технологически обустроено.

Принятие Стандартов восстановительной медиации – очень важный этап ее становления. Зафиксировав достигнутый уровень разработок, можно двигаться дальше.

²³ *Stutsman-Amstutz L., Zerh H. Victim Offender Conferencing in Pennsylvania's Juvenile Justice System, 1997.*